

Неля Лысенко

Проблема власти в судьбе и творчестве Владимира Маяковского

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica 1, 103-111

1999

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

НЕЛЯ ЛЫСЕНКО
(Донецк)

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Творческая личность крупного масштаба в свободе самовыражения всегда стремится преодолеть сложившиеся ограничения, прорваться к высшему, сакральному, общечеловеческому, но с другой стороны, творческий субъект всегда связан с конкретным обществом, живет в социальном контексте, определяя свое отношение к традиционно сложившимся формам человеческого коллектива, свое отношение к власти. Проблема „писатель и власть” всегда была и, очевидно, останется актуальной. Многие гениальные писатели вынуждены были определиться в своем отношении к власти: Данте пишет трактат *Монархия*, А. Пушкин – стихотворение *Клеветникам России*, А. Ахматова – стихи, посвященные Сталину, – этот ряд, конечно же, можно продолжить, упоминая и современных писателей.

Личность В. Маяковского, человека и поэта, вызывает больше всего дискуссий, когда речь идет о такой проблеме, как его отношение к власти. Отметим, что сегодня многие акценты, определяющие подход к названной проблеме, во многом меняются и уточняются в связи с новыми публикациями материалов, касающихся частной жизни поэта, его отношений с Лилей и Осипом Брик, пребывания за границей. Сегодня, наконец, мы знаем и о судьбе дочери Маяковского Патриции Томпсон.

В постановке проблемы „Маяковский и власть” можно выделить по крайней мере три аспекта: власть в жизни и судьбе Маяковского, власть в его творчестве, и, наконец, власть в контексте гибели поэта. Одновременно существуют по меньшей мере три версии ответа на вопрос о сущности отношения Маяковского к власти, подчас диаметрально противоположные. И при жизни и после смерти порицали и хвалили Маяковского, по словам самого поэта, „навешивали много

разных собак” и в течение десятилетий возводили чуть ли не в ранг святого, мифологизируя его жизнь и творчество.

Каковы же взаимоотношения Маяковского и власти? Вот версии ответа на вопрос, около семидесяти лет волнующий умы исследователей.

1. Согласно первой версии, Маяковский был гениальным поэтом революции, не знавшим колебаний и твердо верившим в правоту революции и социалистическо-тоталитарных преобразований, служившим народу и советской власти. Странники этой точки зрения – В. Перцов, Б. Гончаров, А. Метченко и многие другие советские литературоведы.

2. Вторая точка зрения представляет Маяковского как искренне заблуждающуюся творческую личность, коммунистические идеалы которой в конце концов вступили в трагическое противоречие с реалиями тоталитарного режима и подтолкнули поэта к самоубийству. В таком контексте судьба Маяковского дополняет ряд трагических гибелей художников слова в тоталитарном обществе (И. Бабель, С. Есенин, И. Гумилев, М. Цветаева, О. Мандельштам и др.). Странниками этой точки зрения на Маяковского как на жертву тоталитаризма являются В. Петросов, Л. Никольская, А. Михайлов и др.

3. Третья версия рисует Маяковского как человека с двойной моралью, понимающего смысл происходивших в обществе изменений, но лицемерно искажающего правду, служа властям. Эту версию старается донести до читателя автор нашумевшей книги *Воскресение Маяковского* Ю. Карабчиевский¹.

Своеобразным дополнением к трем названным точкам зрения служат малоубедительные попытки представить гибель Маяковского как убийство со стороны ЧК при участии Лили и Осипа Бриковых. Эта версия, представленная статьями Б. Скорятина („Журналист” 1989, № 9; 1990, № 1, 2, 5; 1992, № 5–6), убедительно опровергается в полемических статьях А. Валуженича и Б. Янгфельдта („Журналист” 1991, № 6).

Попытаемся в какой-то мере свести к общему знаменателю обозначенные версии, не претендуя при этом на абсолютную новизну материала, но скорее систематизируя и обобщая уже известные факты, что, однако позволяет увидеть проблему, возможно, в несколько ином освещении.

Рассмотрим немного подробнее три версии взаимоотношений „Маяковский – власть”. Первая версия (условно назовем ее официальной, идеологизированно-политизированной), активно насаждаемая после смерти поэта и достигшая апогея в 60–80-ые годы, рассматривает Маяковского как художника, сформированного революцией, верно

¹ Ю. Карабчиевский, *Воскресение Маяковского*, Москва 1991.

служившего ей, выразившего ее идеалы. Высшей заслугой Маяковского, согласно ортодоксальному советскому литературоведению 30–70 годов, считался гражданский пафос поэта, прославление революционной действительности и времени социалистического строительства. Маяковский, сразу и безоговорочно принявший социалистическую революцию (*Моя революция*), явился гениальным выразителем новой эпохи. В. Ленин особенно подчеркнул значение идеологического звучания произведений Маяковского:

Вчера я случайно прочитал в „Известиях“ стихотворение Маяковского на политическую тему... Давно не испытывал такого удовольствия с точки зрения политической и административной. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно.

Гораздо позднее, в 1935 году, И. Сталин скажет о Маяковском: „Лучший, талантливейший поэт нашей эпохи“ и подчеркнет, что безразличие к Маяковскому это преступление. О последствиях сталинской оценки Маяковского очень точно и образно выразился Б. Пастернак: „Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он не виновен“². Советское литературоведение стало воспевать мифологизированную фигуру Маяковского, государственный культ превратил его в закостенелую догму, при этом примитизируя его творчество.

Я / всю свою / звонкую силу поэта //
тебе отдаю, / атакующий класс,

рукою своею собственной / шупаю //
бестелое слово / „политика“,

хочу / снять / заставить заново //
величественнейшее слово – // „партия“,

Я меряю / по коммуне / стихов сорта, //
в коммуны / душа / потому влюблена, //
что коммуна, / по-моему, / огромная высота, //
что коммуна, / по-моему, / глубочайшая глубина –

эти строки Маяковского стали хрестоматийными и как бы априорно подтверждают мысль о том, что он поэт советской действительности, советской власти, революции, воспевающий их: „и жизнь хороша, и жить хорошо“.

Несколько выпадает из этой общей идиллической картины трагическая смерть официозного поэта без сомнений и ошибок. Согласно официальной версии, она рассматривалась как нелепое стечение неблагоприятных

² Б. Пастернак, *Избранное в 2-х томах*, т. 2, Москва 1985, с. 16.

обстоятельств, минутная слабость поэта, отдавшего свою жизнь служению революции, партии и народу.

Мнилось, что идеализированному Маяковскому-памятнику стоять непоколебимо и вечно. Но новое время выдвинуло новый взгляд на проблему власти в судьбе и творчестве поэта. Сторонники этого взгляда рассматривают Маяковского как трагическую жертву времени. Они напоминают о том, что Ленину принадлежит не только известное поощрительное высказывание о Маяковском, но и резко отрицательная критика поэмы *150 000 000*:

Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность. По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотеки и чудачков. А Луначарского сечь за футуризм.

В. Маяковский, с одной стороны, был приласкан А. Луначарским и М. Калининным, но с другой стороны, писатели, репрезентирующие государственную политику в советском искусстве, воспринимали Маяковского с оттенком неприязни. Критиковали поэта Н. Бухарин, М. Горький, И. Авербах, А. Фадеев. Уже в советское время у Маяковского были сложности с печатанием стихов, задерживались его сборники, ему не открывали визы для выезда за границу, препятствовали с постановкой пьес и т. п. Далеко не радужно складывались отношения с официальными властями у человека, отдавшего себя служению этим властям, растратившего, как полагают сторонники названной версии, свой талант лирика в угоду политической пропаганде и агитации. В качестве доказательства приводятся известные строки из вступления в поэму *Во весь голос*:

И мне / агитпроп / в зубах навяз, /
и мне бы / строчить / романсы на вас – /
доходней оно / и прелестней. /
Но я себя / смирял, / становясь / на горло/
собственной песне.

Властям и зародившемуся тоталитаризму Маяковский был нужен как идеологический символ, но ленинская, а позднее сталинская власть всегда душила и подавляла всякую личность и индивидуальность, в том числе и творческую. С этой точки зрения Маяковский был нужен лишь как „винтик” в неповоротливой, но грозной машине тоталитаризма. Возможно, к концу жизни поэт стал понимать это.

К 1929 году беспристрастный взгляд уже мог заметить страшные изменения, произошедшие в обществе: укрепление власти чиновничье-бюрократической верхушки, чистки в партии и некоторых культурных учреждениях, травля в печати Б. Пильняка и Ев. Замятина, неугодных

властям, начало массовых раскулачиваний, первые дела „вредителей“. Изменилось отношение к Л. Троцкому и Н. Бухарину, А. Луначарский ушел с должности председателя наркома просвещения. Душная атмосфера общественной жизни тоталитарного государства все сильнее давила и проявлялась во всем. В контексте вышеизложенного вопрос об отношении Маяковского к советской власти остается и сегодня проблемным.

Мы не знаем доподлинно, был ли взгляд Маяковского на указанные изменения в обществе беспристрастным. Заслонила ли все собой идеализация революции и советской действительности? Или же пришло прозрение? Может быть, не случайно в хрестоматийном вступлении в поэму *Во весь голос* современную ему социалистическую действительность Маяковский клеймит, не эвфемизируя, словом „говно“ (в некоторых изданиях заменено на „дерьмо“), а свое время называет „потемками“:

Уважаемые / товарищи / потомки! /
Роясь / в сегодняшнем / окаменевшем говне,
наших дней изучая потемки,
вы, / возможно, / спросите и обо мне.

В этом произведении перед читателем предстают откровенно теневые стороны уже утвердившейся социалистической действительности:

Неважная честь, / чтоб из этих роз
мой изваяния высились
по скверам, / где харкает туберкулез,
где блядь с хулиганом / да сифилис.

Жизнь не так уж, оказывается, и „хороша“, и жить не так уж и „хорошо“.

В книге Б. Янгфельдта *Любовь это сердце всего* приводятся личные дневники Маяковского 1932 года, не предназначенные для печати, в которых поэт говорит о себе:

Главные черты моего характера – две. 1) Честность, держание слова, которое я себе дал (смешно?) 2) ненависть ко всякому принуждению. От этого и... стихи, ненависть к общему принуждению³.

И если поэт был искренен в самохарактеристике, то судьба такой личности в условиях тоталитаризма неизбежно трагична.

Отрицание всякого принуждения видится мне особенно важным для интерпретации многих фактов в творческой и личной биографии Маяковского. По-видимому, отмечаемая ненависть к принуждению

³ Б. Янгфельдт, *„Любовь это сердце всего“*. В. В. Маяковский и Л. Ю. Брик. *Переписка 1915–1930*, Москва 1991, с. 38.

в большей мере проявила себя в творчестве, в то время как в жизни Маяковскому часто приходилось идти на компромиссы.

Ярким примером поэтической независимости, открытой позиции Маяковского могут служить следующие строки:

На ложу / в окно / театральных касс //
тыкая / ногтем / лаковым, /
он / дает / социальный заказ /
на „Дни Турбиных“ Булгакова.

Эти слова представляют собой аллюзию на общезвестный факт, когда Сталин более 10 раз заказывал для себя постановку любившейся пьесы М. Булгакова. В контексте приведенных строк предполагаемая личность Сталина предстает сатирически, а откровенная прямая сатира на олицетворение государственной власти была небезопасна.

Художник Ю. Анненков, встречавшийся с Маяковским за границей, приводит свидетельство о том, что поэт сказал о своем возвращении на родину: „Я возвращаюсь... так как я уже перестал быть поэтом... Теперь я... чиновник ...”⁴. В этом горьком признании, сказанном в слезах, возможно, таится одна из причин самоубийства Маяковского.

И другие личные неурядицы, предшествовавшие трагической гибели поэта, напрямую или косвенно связаны с властями. Неудача с постановкой „Бани” – не столько творческая неудача. На выставку *20 лет работы* не пришли представители власти („товарищ правительство”), не пришел и никто из творческой верхушки. Политическими причинами было продиктовано вступление Маяковского в РАПП и разрыв со старыми друзьями.

Рассуждая о причинах отказа Маяковскому в визе во Францию (а это поездка была очень значимой – возможно, вернула бы любимую поэта, Татьяну Яковлеву), Б. Янгфельдт пишет:

Я предполагаю, что советские власти были кровно заинтересованы в том, чтобы Маяковский – знаменитый поэт, представитель Советского Союза – не женился на русской эмигрантке и – кто знает? – остался во Франции⁵.

В этом случае также чувствуется незримое присутствие властей.

И вот роковой выстрел прозвучал: Маяковский покончил с собой. Не только в публицистике и в литературоведении, но и в художественной практике поэзии находим отклики на это событие. К примеру,

⁴ Ю. Анненков, *Владимир Маяковский, [в:] Дневник моих встреч*, Нью-Йорк 1956, с. 207.

⁵ Б. Янгфельдт, *Любовь...*, с. 11.

современный русский поэт В. Корнилов в стихотворении *Версия (Критики)* предлагает читателю свое видение судьбы Маяковского, если бы последний не застрелился:

Проживи подольше Маяковский,
Не было бы „был и остается
лучшим и талантливейшим...” Козия
Истребили бы первопроходца.

Как бы подводя итог сказанного о Маяковском как жертве тоталитаризма, современный исследователь творчества поэта Л. Кацис пишет:

Сталину Маяковский был пужен только мертвым. Реальный же Маяковский, не прожив отпущенного ему времени, поставил „точку пули в конце”, обозначив тем самым не только для себя, но и для других поэтов своего поколения тот предел, за которым сотрудничество со сталинским государством становилось невыносимым⁶.

Третья, наиболее заостренная точка зрения на отношение Маяковского к власти представляет поэта как циничного человека, служившего не идее, не революции, а исключительно власти. Эта точка зрения представлена в работах А. Жолковского⁷ и особенно – в скандально известной книге Ю. Карабчиевского *Воскресение Маяковского*. Автор этой книги талантливо выстраивает цепочку рассуждений, тенденциозно подбирая примеры, которые, однако, оказываются нередко вырванными из контекста, требующими перепроверки. В силу этого выводы Карабчиевского иногда предстают подтасованными. Конечно, в творческой и личной биографии Маяковского можно найти немало компрометирующих фактов. Некоторые из них приводит в качестве аргументов Карабчиевский. Он, в частности, напоминает о том, что стихотворение *Солдаты Дзержинского*, в котором есть показательные строки „Плюнем в лицо той белой слякоти, сюсюкающей о зверствах ЧеКа!”, посвящено комиссару Украинского ГПУ В. Горожанину. Карабчиевский приводит также свидетельства о том, что друзья из ГПУ приезжали к Маяковскому на дачу, учили его стрелять, что с Бриками и с Маяковским дружил Я. Агранов – начальник секретного политотдела, в будущем первый заместитель Ягоды. Кстати, именно Агранов лично приказал расстрелять Н. Гумилева.

⁶ Л. Кацис, „...Но слово мчится, подтянув подруги...” (Полемиические заметки о Вл. Маяковском и его исследователях), „Российская Академия Наук, Известия АН, Серия лит. и яз.” 1992, т. 51, № 3, с. 51.

⁷ *О гени и злодействе, о бабе и всероссийском масштабе. Прогулки по Маяковскому*, [в:] А. Жолковский, Ю. Щеглов, *Мир автора и структура текста. Статьи о русской литературе*, Нью-Йорк 1981.

Заведомо отрицательные нравственные и политические оценки Маяковского в книге Карабчиевского вызывают оживленную полемическую. А. Михайлов, автор биографии Маяковского, изданной в серии ЖЗЛ, следующим образом отозвался о напечатанной книге: „Эта книга – вызов, книга – спор, опрокидывающая многие, если не все, прежние представления о Маяковском. Книга, в ряде своих концептуальных положений вызывающая решительное несогласие”⁸.

Итак, согласно третьей из названных нами версий Маяковский заменил социальным заказом духовную свободу поэта, убив тем самым в себе художника. Действуя всегда „согласно указаниям центра”, он „дал власти дар речи” (Карабчиевский), был и остался певцом насилия и тоталитаризма.

Так кто же все-таки Маяковский? Человек, искренне преданный революции, властям до последнего вздоха, слуга, поверивший в неправые идеалы, в утопию, заблуждавшийся, но не осознавший своих заблуждений? Или же человек, живший в трагическое время несвободы личности, к концу жизни понявший страшную роль власти тоталитаризма, калечащей души людей, и поэтому покончивший с собой? Или же, как назвал его С. Аверинцев, „певец насилия”, певший дифирамбы власти и вождям?

Новому времени нужен новый подход к Маяковскому – не идеологизированный, отвлеченный, насколько это возможно, от политизированных и социологизированных норм. В Маяковском нужно видеть прежде всего поэта, его поэтическую систему. Первый поэт тоталитарной эпохи, Маяковский выразил свое время и его трагизм, но по-иному, нежели его современники Б. Пастернак или А. Ахматова. И, собственно говоря, для читателя или исследователя творчества Маяковского важны прежде всего его стихи. А власть – что власть? В определенном смысле она видится лишь как дополнение к биографии. Большой художник по большому счету всегда вневременной, он выходит за рамки своей эпохи.

Политически ангажированный Маяковский, живя в социальном контексте, определяя свое отношение к нему и выражая его, все же неизмеримо глубже и шире этого контекста прежде всего как выразитель высшего, гуманистического, поэтому – общечеловеческого. Именно гуманистическое начало, определение человека как высшей ценности бытия независимо от власти и вопреки власти (и временного правительства, и буржуазной, и ленинско-нэповской, и пролетарско-социалистической, и тоталитарно-сталинской) – это то, что служит доказательством ценности и единства поэтического мира Маяковского.

⁸ А. Михайлов, *Маяковский. Кто он? (Объяснение для желающих знать истину)*, „Взгляд” 1991, № 3, с. 258.

Nela Łysienko

**PROBLEM WŁADZY W LOSIE I TWÓRCZOŚCI
WŁODZIMIERZA MAJAKOWSKIEGO**

Artykuł jest próbą podsumowania aktualnego stanu badań na temat złożonych relacji między Majakowskim i władzą w porewolucyjnej Rosji. Przedmiotem analizy są trzy odmienne interpretacje danego zagadnienia. Jedni krytycy postrzegają poetę jako nieugiętego piewę rewolucji i totalitarnego państwa, inni zaś traktują go jak ofiarę totalitaryzmu. Najbardziej radykalna grupa badaczy oskarża twórcę o cynizm i hipokryzję. Jednak humanitaryzm i umiłowanie wolności Majakowskiego oraz jego skomplikowane stosunki z nową władzą wskazują, że ta kwestia winna stać się przedmiotem dalszej wnikliwej i bardziej obiektywnej oceny literaturoznawczej.